

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ОТХОД КРЕСТЬЯН И ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОЛЕТАРИАТА НА ЮГЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Трехбратов Борис Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Краснодарский государственный университет культуры и искусств, Российская Федерация, 350072, г. Краснодар, ул. 40 лет Победы, 33, E-mail: trekhbratov@yandex

В статье исследуется отход крестьян на сельскохозяйственные заработки в южные губернии России и формирование сельскохозяйственного пролетариата в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, рабочие с наделом, капитализм в сельском хозяйстве, рынки найма, пути движения отходников, их состав

AGRICULTURAL DEPARTURE PEASANTS AND FORMING AGRICULTURAL
OF THE PROLETARIAT ON SOUTH RUSSIAN ON THE BOUNDARY XIX–XX CENTURYS

Trekhbratov Boris A., D.Sc. (History), Professor, Krasnodar State University of Culture and Arts, 33 40 let Pobedy Str., Krasnodar, 350072, Russian Federation, E-mail: trekhbratov@yandex

In the article the departure farmers in agricultural work in the southern provinces of Russia and the oddsing agricultural proletariat in the late nineteenth – early twentieth century.

Keywords: peasants, agricultural workers, workers with allotments, capitalism in the rural economy-sky, the rental market, the path of migrant workers, their composition

Россия, вырвавшаяся в 60-х гг. XIX в. из тисков крепостного права, стала на путь капиталистического развития. Отмена крепостного права не только способствовала генезису капитализма во внутренних губерниях империи, но и послужила толчком к распространению его на новые территории. Одним из достижений советской исторической науки явилось то, что она установила разные типы аграрного капитализма, по которым шла капитализация Российской империи по «прусскому» варианту, с его отработками и массой других остатков крепостничества, и «американскому», развивавшемуся сравнительно свободно и имевшему слабые остатки крепостничества в аграрном секторе экономики. К первому варианту развития были отнесены так называемые «внутренние» губернии страны (Воронежская, Курская, Орловская и др.), а также страдавшие от малоземелья и перенаселённости малороссийские губернии (Полтавская, Черниговская, Киевская и пр.). Во вторую, «американскую» группу отнесены южные и юго-восточные губернии, о которых речь и пойдёт в настоящей статье.

Основными задачами статьи являются: выявление главных источников формирования и пополнения сельскохозяйственного пролетариата, подсчёт численности и анализ состава рабочих на Юге Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. [1].

Южные степные районы Новороссии, Бессарабии, Дона (в некоторых источниках под «Новоросси-ей» понимают не только Таврическую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии, но и область Войска Донского), степного Предкавказья, Закавказья как раз и относятся, условно говоря, к «американской» группе. Бескрайние степные просторы этого региона и большой спрос на рабочие руки являлись мощной притягательной силой для переселенцев и рабочих-отходников, приходивших сюда на заработки с целью пополнения скудного семейного бюджета, а затем и оседали здесь навсегда.

Если с 1867 по 1897 г. численность населения 50 губерний Европейской России увеличилась на 47 %, то в степных губерниях Новороссии и на территории войска Донского – на 99,2 %, а на Северном Кавказе (без Дагестана) – на 175,2 %. В частности, население Кубанской области возросло с 1861 по 1904 г. на 1855 тыс. человек. Причём основной прирост – 1237,5 тыс. – пришёлся на переселенческое население, которое увеличилось в 237 раз (с 5243 до 1242750 чел.) [2].

Экономическому развитию края способствовало железнодорожное строительство. Во второй половине 60-х гг. XIX в. на Юге России появились первые железные дороги, соединившие сельскохозяйственные районы с портами Чёрного и Азовского морей. Уже к середине 70-х гг. все губернии Малороссии и Новороссии были связаны с центральными губерниями России (Курско-Киевская и Курско-Харьковская ж.д.) и черноморскими портами Одессой, Николаевым и Севастополем.

В 1875 г. вошла в строй Владикавказская железная дорога, соединившая Ростов-на-Дону с Владикавказом; в 1888 г. была построена железнодорожная ветка Тихорецкая – Новороссийск, которая дала прямой выход кубанскому хлебу на мировой рынок; в 1898 г. введена в строй железнодорожная линия Тихорецкая – Царицын, в 1900 г. – Екатеринодар – Кавказская – Ставрополь. Всё это ускорило экономическое освоение аграрного края, способствовало расширению экономических связей Юга России с центральными районами империи и с зарубежными странами, включению его в пореформенную систему страны и в мировое товарное обращение.

В южных степных районах (Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии и область войска Донского) посевные площади под зерновыми культурами увеличились с 9939 тыс. десятин в 1881 г. до 16378,7 тыс. десятин в 1901–1905 гг. Ещё быстрее росли посевные площади под зерновыми культурами в степном Предкавказье. Так, в Кубанской области с 1875 по 1904 г. они умножились более чем втрое (с 805 тыс. до 2522,5 тыс. десятин); в Ставропольской губернии – с 748 тыс. десятин в 1881 до 1714 тыс. десятин в 1904 г. Бурно развивавшееся торговое земледелие увеличивало спрос на рабочие руки.

Особенно много подёнщиков и сдельщиков требовало предпринимательское табаководство, интенсивно развивавшееся в пореформенную эпоху на Кубани, в Черноморской и Таврической губерниях. Так, в Кубанской области среднее количество десятин земли, занятых под табачными плантациями, за 25-летний период (с первой половины 70-х до второй половины 90-х гг. XIX в.) возросло почти в 12 раз [3].

В 1902 г. из 15525 дес. табачных плантаций Кавказа 9264 дес. находилось в Кубанской области, 1116 дес. – в Черноморской губернии. По количеству производимого жёлтого папиросного табака из высосортных турецких семян Кубанская область занимала первое место в Российской империи. Из 2228544 пудов собранного в 1914 г. папиросного табака на долю Кубанской области приходилось 940743, на долю Черноморской губернии – 224792 пудов, т.е. более половины общероссийского сбора.

В Таврической губернии, где табаководство также носило высокотоварный характер, площади под табаком в пореформенное время (с 1856–1861 по 1886–1890 гг.) увеличились с 305 дес. до 3947 дес., т.е. в 13 раз [4].

В Бессарабии основной отраслью экономики в начале XX в. оставалось сельское хозяйство, которое имело ярко выраженное зерновое направление. Зерновые культуры в крае составляли 96 % общей посевной площади. Занимая лишь 0,21 % территории Российской империи, Бессарабская губерния производила 3 % основных зерновых хлебов страны. Важной отраслью сельского хозяйства оставалось животноводство. В 1905 г. в Бессарабии содержалось 377 тыс. лошадей, 583 тыс. голов крупного рогатого скота, 303 тыс. свиней и 1454 тыс. овец.

Большое развитие в крае получили виноградарство, садоводство и табаководство. В 1900 г. под виноградниками находились 74 тыс. га. В 1900–1904 гг. в среднем производилось 7 млн ведер вина в год. Бессарабия вышла на первое место в России по площади виноградников, сбору винограда и производству вина.

Наиболее плодородными землями в Молдавии владели помещики, монастыри и государство. В 1905 г. им принадлежало 51,4 % лучших земель. Многие помещики и другие крупные частные владельцы из числа купивших землю коммерсантов, зажиточных мещан, разбогатевших крестьян вели капиталистическое хозяйство с широким применением наёмного труда, сельскохозяйственных машин и достижений агротехники.

Результатом развития капитализма в сельском хозяйстве края было усиление имущественного расслоения крестьянства. В начале XX в. почти четвертая часть крестьянских хозяйств была безземельной, а около 2/5 крестьянских дворов, имея надел до пяти десятин, являлись малоземельными. Численность сельскохозяйственных пролетариев в Молдавии в начале XX в. достигала почти 190 тыс. человек, из которых более 100 тыс. были из числа местных крестьян и 85 тыс. – пришлыми из других губерний. Табаководство имело общую тенденцию к росту. Среди 12 губерний, областей и округов страны, в которых выращивался табак, она занимала четвертое место по посевной площади и пятое – по производству [5].

Характерной чертой южнороссийского табаководства являлось развитие торгово-капиталистического предпринимательства на мелких и средних участках земли. В Кубанской области за пятидесятилетний период (1867–1917) средний размер табачных плантаций был от 1,4 до 4,0 десятин. В 1914 г. из 4510 плантаций 120 (3 %) были площадью менее 0,5 дес., 852 (20 %) – от 0,5 до 1 дес., 1735 (38,2 %) – 1–2 дес., 700 (15,5 %) – 2–3 дес., 540 (12 %) – 3–5 дес., 361 (8 %) – 5–10 дес., 150 (3,3 %) – 10–29 дес., 49 плантаций – свыше 20 десятин (подсчёты автора Б.Т.) [6].

Здесь наблюдалась громадная концентрация табачных посевов в одном капиталистическом хозяйстве: четвертая часть всех плантаторов (1100 плантаций площадью свыше трёх десятин) сосредоточила в своих руках около 2/3 всех табачных посевов. В среднем на одно хозяйство приходилось около семи десятин посадок. Культура табака требует не менее четырёх сроков рабочих, а в разгар работ на плантации (июль – август) – до 9–15 подённых рабочих на десятину посева [7]. Поэтому хозяйства, имевшие табачный посев более одной десятины, должны были прибегать к найму рабочей силы. В Кубанской области в 1914 г. такие хозяйства составляли 95,4 %.

Благоприятные природно-климатические условия способствовали развитию товарного виноградарства. К середине 80-х гг. XIX в. площадь под виноградниками в Таврической губернии исчислялась в 5482 десятины, а к 1892 г. составила 6662 дес. Ежегодный вывоз винограда из Крыма по железной дороге в 80-х гг. исчислялся в среднем в 24 тыс. пудов в год, а в 90-х гг. общий урожай винограда составлял 2 млн пудов, приблизительно стоимостью до 3 млн руб. Получает товарный характер и садоводство: к 1887 г. площадь садов в Крыму достигла примерно 5,5 тыс. десятин, около 0,5 млн пудов свежих фруктов вывозилось ежегодно на продажу [8].

Виноградари Терской области выращивали виноград, производили вино для продажи и привлекали тысячи рабочих – ногайцев, тавлинцев и русских для обработки плантаций в виноградарских Кизлярском отделе и Хасавюртовском округе. В 1898 г. площадь под виноградниками в Терской области составляла 8758 дес. В одном только Кизляре двумя годами раньше 163 садовладельца имели 2270 дес. виноградников, а во всём Кизлярском отделе – 4562 дес. По данным «Обзора Дагестанской области за 1900 год» урожай в Дагестанской области составил 901199 пудов или 635921 ведро [9].

В Кубанской области в 1896 г. виноградники занимали площадь 4223 дес., а через пять лет, в 1901 г., она возросла до 7130 дес. В 1913 г. под посадками виноградных садов находилось 8,2 тыс. десятин в области и 1,2 тыс. десятин в Черноморской губернии. Накануне Первой мировой войны в Кубано-Черноморье собиралось почти 950 тыс. пудов винограда. Примерно такими же цифрами отмечены сборы продуктов садоводства (731 тыс. пудов в Кубанской области и 211 тыс. пудов в Черноморской губернии) [10].

Одним из последствий развития земледельческого капитализма на Юге России было улучшение технической оснащённости сельского хозяйства. Южнорусские предприниматели обратились к усовершенствованным земледельческим орудиям и машинам. Одной из причин такого явления стало падение хлебных цен, которое шло параллельно с высокими ценами на рабочие руки. Это заставляло сельских хозяев понижать стоимость производства, одновременно возмещающая острую нехватку рабочей силы в разгар полевых работ.

В конце XIX в. в шести губерниях Юга России (Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Бессарабской, Ставропольской и области Войска Донского) работало 73 завода, изготовлявших, главным образом, жатвенные машины, но выпускавших также конные молотилки, веялки, сеялки, плуги, соломом-

резки и конные грабли, сортировки и сноповязалки. Сумма производства этих заводов составила свыше 7 млн руб. [11].

В степном Предкавказье также увеличилось количество усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий (в основном за счёт привоза). В Ставропольской губернии к 1905 г. их применялось на сумму 9780,4 тыс. руб., в то время как в 1882 г. только на сумму 696,3 тыс. руб. В Кубанской области в хозяйствах казаков и невойскового¹ населения в 1886 г. было 299,19 усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий, в 1904 г. количество их значительно возросло и составило 454774, т.е. увеличилось более чем в 15 раз [12].

Массовое употребление сельскохозяйственных машин в свою очередь предполагало существование массы сельскохозяйственных наёмных рабочих для их обслуживания. Но для уборки полей полностью только усовершенствованными машинами техники было всё же недостаточно. Рост числа сельскохозяйственных орудий не поспевал за увеличением площадей распахок. Так, в Кубанской области, по нашим подсчётам, в 1893–1894 гг. с помощью жатвенных машин убиралось 22 % посевов, в 1898–1899 гг. – 42 %, в 1900–1904 гг. – 63 %; молотилками обмолачивалось соответственно 48,6; 59,6 и 66,6 %. В начале XX в. одна треть посевов всё ещё должна была убираться косами и обмолачиваться катками и цепами, для чего требовалось множество малоквалифицированных наёмных рабочих.

Ещё раз подчеркнём, что капитализм, это та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром. Общую численность сельскохозяйственных рабочих в Европейской России и в отдельных её регионах ввиду специфики сельскохозяйственного производства, изначально предполагающего сезонность большинства сельскохозяйственных работ и существование как «чистых» пролетариев-батраков, так и сельских «рабочих с наделом», отдающих предпринимателям свой труд лишь в разгар весенне-летних полевых работ, определить не просто. Впервые такую попытку предпринял Л. П. Весин, изложив её в журнале «Дело» за 1886–1887 гг. [13].

Он распределил 38 губерний Европейской России (выдававших 90 % всего числа документов на отход) на группы по преобладанию тех или иных видов отхода: 12 губерний отнесены к группе с преобладанием неземледельческого отхода, 5 губерний – переходных и 21 губерния, т.е. более половины их числа, с преобладанием земледельческого отхода. В. И. Ленин в работах «Развитие капитализма в России» (см.: Полн. собр. соч., т. 3, с. 574–575) и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (т. 17, с. 11) внёс в схему Весина существенные поправки. В частности, Астраханскую губернию он отнёс к третьей группе.

Анализируя данные паспортной статистики за 1898 год, В. И. Ленин пришёл к выводу о том, что число неземледельческих рабочих составляло около 4,2 млн неземледельческих наёмных рабочих и около 3,6 млн земледельческих наёмных рабочих. В параллель к этой цифре он поставил цифру С. Ф. Руднева, который в 1894 г. свёл данные земской статистики по 148 уездам в 19 губерниях и определил приблизительное число сельскохозяйственных наёмных рабочих в 3,5 млн человек [14]. Эта цифра охватывает, по данным 80-х гг., и местных, и отхожих земледельческих рабочих. В конце 90-х гг. одних только отхожих сельскохозяйственных рабочих было столько.

В этих словах – указание способа определения количества сельскохозяйственных рабочих в Европейской России на основе сравнения данных Руднева и паспортной статистики. С его помощью можно выяснить процентное отношение количества отхожих рабочих и всего числа сельскохозяйственных рабочих. Исходный пункт расчётов – 80-е гг. XIX в., к которым относятся данные общей численности сельскохозяйственных рабочих в Европейской России и имеются данные паспортной статистики. После необходимых расчётов выясняется, что в 80-х гг. в Европейской России в среднем в год уходило в отхожие земледельческие промыслы примерно 2,3 млн человек (65,7 % общего числа сельскохозяйственных рабочих – 3,5 млн). Условно полагая, что указанное соотношение между числом всех и отхожих рабочих сохранилось, можно подсчитать количество сельскохозяйственных рабочих в разные периоды капитализма и таким образом представить процесс формирования и роста численности сельскохозяйственного пролетариата в динамике. Но всё-таки и такой метод, сравнительно с другими обладающий рядом преимуществ, имеет свои недочёты. В частности из него выпадают такие высокоразвитые в капиталистическом отношении губернии Юга России, как Кубанская область и Ставропольская губерния, ускользает от учёта внутренний отход сторонние заработки полиэтничного населения Терека, Дагестана и Черноморской губернии.

Таблица

Динамика численности сельскохозяйственных рабочих в России в период капитализма (1861–1910 гг.) [15]

Годы	В среднем в год (млн человек)	
	Общая численность	в том числе отхожих
1862–1870	0,609	0,4
1871–1880	2,14	1,405
1881–1890	3,5	2,3
1891–1900	4,87	3,2
1902	5,5	3,63
1906–1910	6,0	4,0

Таблица показывает рост численности сельскохозяйственных рабочих вообще и отхожих в частности. При этом, конечно, надо иметь в виду, что не все уходившие на заработки получали работу, многие не

¹ Под невойсковым населением понимаются коренные крестьяне с наделом, иногородние с усадебной оседлостью и без оседлости, горцы.

находили применения своему труду и возвращались обратно, живя случайными заработками или питаясь Христовым именем. Об этом свидетельствуют многие источники.

Уже в 50-х гг. XIX в. в южные губернии России попадало до 300 тыс. пришлых рабочих; в конце 70–80-х гг. – 890,9 тыс. Местные сельские рабочие в указанное время играли незначительную роль в сельскохозяйственном производстве. В конце 80-х – начале 90-х гг. количество пришлых сельских рабочих здесь сокращается до 550–600 тыс. человек, число же местных рабочих, наоборот, увеличивается и составляет 300–350 тыс. В конце XIX в. общая численность, земледельческих наёмных рабочих в южных степных губерниях России равнялась примерно 900 тыс. человек [16].

Как видим, преобладание пришлых работников среди сельскохозяйственных наёмных рабочих Юга России являлось характерной особенностью процесса формирования здесь сельскохозяйственного пролетариата.

На Дону и в степном Предкавказье потребность в пришлой рабочей силе также была значительной. В начале 90-х гг. XIX в. она определялась для области Войска Донского от 175 тыс. до 221 тыс., для Кубанской области – от 150 тыс. до 300 тыс., для Ставропольской губернии – от 40 тыс. до 80 тыс. человек. В Бессарабской губернии ежегодная потребность в пришлых рабочих определялась в 45 тыс. человек при среднем урожае, в урожайные годы она увеличивалась вдвое, в неурожайные – снижалась наполовину и более [17].

Таким образом, в начале 90-х гг. XIX в., когда «внутренние» губернии Российской империи постиг сильный неурожай, сопровождавшийся небывалым голодом, семь капиталистически развитых южных губерний России (Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Ставропольская, области Войска Донского и Кубанская) стягивали к себе в разгар полевых работ от 96 до 1290 тыс. пришлых рабочих из центральных губерний Российской империи.

В начале XX в. прилив земледельческих наёмных рабочих из внутренних губерний России на юг уменьшается. Так, для Кубанской области он составляет не более 100 тыс., а для Ставропольской губернии – только 13 тыс. человек [18], что было связано с ростом рядов местного пролетариата, увеличением числа усовершенствованных земледельческих машин и орудий, развитием капитализма «вглубь» в центральной России, усилением переселенческого движения в Сибирь и пр.

Благодаря систематической регистрации на врачебно-продовольственных пунктах Херсонской губернии достаточно точно определяется район, снабжающий южные губернии России пришлой рабочей силой. По данным за восемь лет, главную массу пришлых рабочих здесь давала Киевская губерния, откуда пришло 48,4 % всех зарегистрированных на пунктах рабочих; затем следовали Полтавская губерния, дававшая 30,8 %, Черниговская – 4,6 %, Подольская – 2,8 %, Орловская – 1,5 % и т.д. В Екатеринославской губернии главную массу пришлых рабочих давала соседняя Полтавская губерния – 58,8 % всех зарегистрированных на пунктах рабочих за 1899–1900 гг.; Харьковская давала 14,7 %, сама Екатеринославская – 7,7, Черниговская – 6,1, Курская – 3,6, Киевская – 2,7 и Орловская – 1,1 %. Те же губернии являлись поставщиками рабочей силы в Таврическую губернию. Здесь, по данным врачебно-продовольственных пунктов, с 1895 по 1897 г. – основную массу рабочих поставляла Полтавская губерния (61,7 % всех зарегистрированных рабочих), затем Киевская (16,6 %), Черниговская (9,5 %), Херсонская (9,0 %), Орловская (1,7 %), 1,5 % пришлось на остальные губернии [19].

На Дон и в степное Предкавказье (Кубанская область и Ставропольская губерния) стягивались рабочие из Воронежской, Курской, Орловской, Полтавской, Харьковской, Черниговской и других губерний.

В основе процесса формирования сельскохозяйственного пролетариата Юга России лежало расслоение крестьянства. Особенность его заключалась в том, что здесь быстрее, чем в центральных губерниях Российской империи, шло образование сельской буржуазии. Темпы роста сельскохозяйственного пролетариата среди местного населения были значительно ниже, чем во внутренних губерниях страны. Так, в Таврической губернии богатых хозяйств было 18,4 %, в то время как в Европейской России в целом в два раза меньше (только 9,1 %). В то же время бедняцкая часть в Таврии составляла 39,9 %, а в России – 59,5 %. На Кубани среди казаков кулацкие хозяйства составляли 14,0 %, а бедняцкие – почти как в Таврии – 39,5%. В 1902 г. процентное соотношение социальных групп сельского коренного населения Ставропольской губернии было следующим: бедняки (безлошадные и однолошадные дворы) – 34,1 %, середняки – 33,8 %, кулаки (четыре лошади в хозяйстве и более) – 32,1 % [20].

Значительное социальное неравенство существовало среди кочевых народностей Ставрополья. Беднота (не имевшие скота или имевшие его в незначительном количестве) составляла в Ачикулакском приравнении 89,3 % в Трухменском – 72,8, в Караногайском – 71 и в Большедербентском – 62,9 %. Продажа своей рабочей силы являлась главным «промыслом» беднейших кочевников, которые занимались для обработки виноградников, пастьбы скота, на время покоса и жатвы [21].

В 1899 г. в Ставропольской губернии насчитывалось 128105 ремесленников и свыше 15 тыс. батраков, главным образом из числа иногородних крестьян. Часть иногородних занималась отхожим промыслом и уходила на полевые работы в пределах Ставропольской губернии и в соседнюю Кубанскую область.

В области Войска Донского казачество делилось на зажиточных (21,6 %), средних (45 %) и малоимущих (33,4 %). К концу XIX в. «имущественное расслоение казачества зашло уже далеко и безусловно определяло классовые интересы той или иной группы этого сословия, от былой «монолитности» которого мало что осталось: бедняцкие дворы составляли 29,8 %, середняцкие – 41,9, зажиточные – 28,3 %. Процент разоренных и разоряющихся крестьян был несколько ниже, чем в целом по Европейской России, так как здесь крестьяне имели возможности арендовать, казачьи земли [22].

В Дагестанской и Терской областях – экономически менее развитых районах Северного Кавказа – расслоение населения было выражено слабее, чем на Дону и в степном Предкавказье. Если в Кубанской области в 1897 г. имели постоянных наёмных рабочих 9,8 % хозяйств, то в Терской области – только 4,6 %, а в Дагестане и того меньше – 3,4 % хозяйств. Но процесс дифференциации не мог не затронуть и этих районов. В середине 80-х гг. XIX в. в Дагестанской области беднота (безземельные и малоземель-

ные – до трёх десятин – хозяйства) составляла 61,8 %, богатые же крестьянские хозяйства, имевшие более 10 дес. пашни и по 20 голов скота (в переводе на крупный рогатый), составляли 4,6 %. Но эта небольшая группа хозяйств концентрировала у себя значительную долю средств производства – 23,4 % всех пахотных земель, почти 30 % поголовья овец и коз, примерно столько же лошадей и значительную долю других видов скота.

Степень расслоения терского казачества к 80-м гг. XIX в. была ниже, чем кубанского, экономический уровень не только зажиточных хозяйств, но и средних был значительно ниже, чем в степных станицах Кубани. В то же время бедные и средние хозяйства составляли больший процент, чем в Кубанской области [23].

В нагорной полосе Терской области имело место очень острое малоземелье. Даже зажиточные горские семьи могли обеспечить себя хлебом с собственных участков земли только на 5–6 мес. в году, большинство же семей – лишь на два месяца. Земли хватало только для 14 % населения, т.е. из 187-тысячного населения нагорной полосы Терской области 161 тыс. являлась избыточным населением. По подсчётам местного исследователя, избыточные жители у горцев Кабарды составляли 67 %, у осетин – 88, у ингушей – 89, у чеченцев – 90, у салатовцев – 91 %.

Значительное неравенство существовало у караногайцев Кизлярского отдела Терской области. 240 караногайских семейств (4 %) сосредоточили в начале XX в. в своих руках всё поголовье верблюдов, 70 % лошадей, 55 % овец и 40 % рогатого скота, в то время как на долю остальных 5700 хозяйств (96 %) приходилось только 34 % скота, причём 540 семей (9 %) совершенно его не имели. Около 40 % калмыков жили продажей своей рабочей силы [24].

Веледствие слабого развития капиталистических отношений в горных районах Северного Кавказа горская беднота, или пауперы, не находила достаточных возможностей для продажи своей рабочей силы на месте, поэтому горцы вынуждены были или соглашаться на кабальные условия найма, или идти в отхожие промыслы в соседние более развитые губернии. В начале XX в. из Дагестанской области уходило для заработков до 82 тыс. человек, или более половины трудоспособного мужского населения аулов, в Терской области отходничество было развито меньше (шли в отход из Сунженского округа в 1896 г. 1840 человек, из Хасавюртовского в 1902–1904 гг. – 1,5–2,0 тыс., из Нальчикского в 1898 г. 3 тыс. человек [25]). В степных районах Кубани и Ставрополья отходничества фактически не было. Только в редких случаях, когда случался в Ставропольской губернии большой неурожай, местные крестьяне уходили на заработки в соседнюю Кубанскую область.

Десятки тысяч отходников – горцев и кочующих народностей Северного Кавказа, работая на полях и плантациях рядом с русскими, жили общими интересами трудящихся, приобщались к борьбе за социальное и национальное освобождение. В этом – прогрессивное значение отходничества, на что ещё в конце XIX в. обратил внимание автор знаменитой работы «Развитие капитализма в России», писавший, что оно «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни» [26]. Несмотря на нынешнее критическое отношение к одному из лидеров российской социал-демократии В. И. Ленину, разрабатывавшему утопические идеи перехода от феодализма или неразвитого капитализма к социализму, мы всё-таки считаем приведённое высказывание верным, так как оно отражает суть явления и показывает один из путей перехода страны на капиталистические рельсы.

Формирование сельскохозяйственного пролетариата на Юге России, как и во всей стране в целом, носило всеословный характер. Источниками его образования и пополнения являлись массы крестьян-переселенцев, казаков, горцев, бывших солдат царской армии, коренных крестьян и пр. Но первостепенная роль в этом процессе принадлежала крестьянам-переселенцам, заселявшим в пореформенные десятилетия южнорусские степи. Так, в Кубанской области в начале 80-х гг. XIX в. 58 % неоседлых иногородних Ейского уезда жили продажей своей рабочей силы. В конце XIX в. в отдельных станицах занимались в батраки и поденщики от 57 до 78 % иногородних, не имевших постоянного местожительства. Среди оседлых иногородних продавали свой труд от 13,1 до 24,4 %. Две трети переселенцев Ставропольской губернии были бедняками. Продавали свою рабочую силу сельским предпринимателям отставные, бессрочно – и временно-отпускные солдаты российской армии (от 32 до 48 %) [27].

Замкнутое сословное казачье землевладение на Дону, Кубани и Тереке, неотчуждаемость войсковых земель задерживали процесс образования пролетариев из среды казачества, в тоже время создавая условия для пролетаризации иногородних. Поэтому в казачьих областях рост рядов сельскохозяйственного пролетариата из переселенцев намного опережал таковой из среды казачества. Однако это вовсе не означало, что казачество было социально однородным, как это пытались доказать апологеты казачьей самобытности. Казачество раскалывалось на два характерных для капиталистического общества класса – буржуазию и пролетариат. Но темпы роста буржуазии в нём были сравнительно высокими, а темпы роста пролетариата – более низкими, чем в центральных губерниях России. Развитие капитализма приводило к тому, что и в сельском хозяйстве формировались кадры постоянных наёмных рабочих. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 г. таких рабочих в империи было 2602706 человек, в том числе в семи южных губерниях – 292010 человек, или 11,2 %. Большая часть из них была занята в земледелии – 232288 человек, остальные – в животноводстве (40272 чел.) и в прочих отраслях сельского хозяйства (19450 чел.). Причём в таких аграрных районах, как Бессарабия, Таврия, степное Предкавказье, сельскохозяйственные рабочие составляли основное ядро пролетарского населения. В капиталистически развитых губерниях степного Предкавказья постоянных сельскохозяйственных рабочих было почти столько же (83543 чел.), сколько в остальных девяти губерниях Кавказа (Бакинская, Дагестанская, Елисаветпольская, Карская, Кутаисская, Терская, Тифлисская, Черноморская, Эриванская).

Социальные последствия процесса капитализации общества приводили к тому, что чем больше развивался капитализм в земледелии, тем больше становился спрос на женский труд. Перепись 1897 г. обна-

ружила в семи южнорусских губерниях 56073 женщины-работницы в числе 292010 человек постоянных работников [28], что составляло 19,2 %. Данные регистрации пришедших рабочих на врачебно-продовольственных пунктах показывают, что с каждым годом число женщин среди них увеличивалось. Так, в Херсонской губернии в 1894 г. женщины составляли только 18,2 %, в 1895 г. – 22,1, в 1898 г. – 23,9 %. Причина этого – широкое распространение машин и орудий, увеличившее спрос на дешёвый труд женщин и подростков. Относительно большой процент женщин принимают участие в отхожих промыслах среди рабочих Полтавской губернии – 28–34 %, тогда как среди киевлян их было 18,8–27,5 %, среди херсонцев – 16,8–27,7 %.

Из Черниговской губернии приходило от 5,1 до 14 % женщин, мало их было и среди подолян, волынян, орловцев, курян.

В Екатеринославской губернии в 1901 г. было 25,9 % женщин среди пришедших рабочих, в 1903 г. – 27,0 %, в 1905 г. – 32,1 % [29].

В 1895 г. в Таврической губернии земские врачи-статистики зарегистрировали среди пришедших рабочих, находившихся на рынке труда в Каховке, 27,3 % женщин и 72,7 % мужчин.

С изменением спроса на рабочие руки изменялся состав рабочих и в Кубанской области. По наблюдениям, Ф. А. Щербины, в начале 80-х гг. в XIX в. на Кубань, в числе пришедших рабочих являлось примерно 10–15 % женщин и подростков. В начале XX в. состав рабочих был уже иным: в 1902 г. Н. И. Тезяковым зарегистрировано на рынке найма в селении Армавир 498 рабочих, в их числе 302 мужчины, 82 женщины и 104 подростка, т.е. на долю женщин и детей приходилось две пятых всех находившихся на рынке рабочих [30].

Применение женского и детского труда в различных отраслях сельского хозяйства было неравномерным. Более всего он использовался на табачных плантациях – две трети общего количества рабочих составляли женщины и подростки. К примеру, в 1893 г. на табачных плантациях Темрюкского отдела Кубанской области из 24027 учтённых рабочих было 16414 женщин, или 68,3 %. Причем среди постоянных рабочих женщины составляли около 52 % (2873 работницы из 5526 человек всех рабочих), в то время как в разгар работ численность женского труда увеличивалась – из 18801 временного работника женщин было 13541, или 72 % [31].

Особенность сельскохозяйственного производства, заключающаяся в сезонности большинства земледельческих работ, обуславливала наём не только постоянных, но и временных рабочих – подённых, месячных, сдельных и пр. Отношение численности постоянных и временных рабочих было примерно 1 : 3. Причём часть временных рабочих (как местных, так и пришедших), нанимавшихся только на летние месяцы, также должна быть причислена к разряду лиц, постоянно продававших свою рабочую силу.

Имеющиеся в источниках данные позволяют утверждать, что в первые пореформенные десятилетия связь пришедших с землёй была ещё прочной, главный их статус – крестьяне, ведущие своё собственное хозяйство. Они приходили на юг в основном только на определённый период сельскохозяйственных работ, после чего возвращались домой, чтобы убрать свой собственный урожай. В этот период работа по найму, была для них подсобным занятием для пополнения семейного бюджета. В. Чаславский отмечал, что часть пришедших рабочих приходит на юг «на время с весны до осени, это так называемые сенокосные рабочие; но большая часть приходит только летом, на короткое время, для спешных работ, именно на так называемую косовицу, то есть для уборки трав и хлебов» [32]. Приводимые наблюдения современников убеждают нас в том, что капитализм, находясь на низких сравнительно ступенях развития, нигде не в состоянии был оторвать совершенно рабочего от земли. В 90-е гг. XIX и в начале XX в. наблюдалась иная картина. В характере передвижения наёмных рабочих произошли изменения, отражавшие процесс дальнейшего развития капитализма в земледелии и формировании сельскохозяйственного пролетариата. Приведём данные, относящиеся к трём губерниям – Воронежской, Курской и Харьковской, поставившим на протяжении всего пореформенного периода огромные массы рабочих в капиталистически развитые губернии Юга России.

«Уходят рабочие в мае после своих посевов, – отмечал корреспондент из Павловского уезда Воронежской губернии, – небольшая часть рабочих возвращается после сенокоса, то есть около двадцатых чисел июня, а большинство возвращается только в конце сентября, даже в октябре. Можно сказать... 1/5 (часть) рабочих возвращается после сенокоса на юге, а 4/5 приходят домой осенью» [33]. Эти наблюдения можно сопоставить с данными по Темрюкскому отделу Кубанской области за 1892 г., которые показывают, что из 20 тыс. рабочих, прибывших из центральных губерний России, к началу августа 5 тыс. (1/4 часть) продолжали работать на юге [34] – это те из рабочих, связь которых с собственным хозяйством утрачена.

В другом источнике указывалось, что в Воронежской губернии «преобладают сельскохозяйственные промыслы – с уходом рабочих в Донскую и Кубанскую области, Черноморскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии и другие местности юга», возвращающихся домой по преимуществу в августе, сентябре и октябре [35].

Изучавшие промыслы населения Харьковской губернии установили, что «отхожие промышленники все более отрываются от земледелия и большую часть года проводят вне своих хозяйств» [36].

Продолжительность отхода на заработки всё увеличивалась: сначала уходили по краткосрочным билетам, затем по годовым индивидуальным паспортам, а на рубеже двух веков стали уходить уже и на более длительное время, целыми семьями, оставляя избы заколоченными. По справедливому замечанию, современника, отход на такое продолжительное время делает невозможным совмещение отхожих промыслов с земледельческим занятием – в некоторых деревнях заколоченные избы составляют половину общего их количества [37].

Исследователи промыслов в Курской губернии, сравнивая число отхожих рабочих за 80-е гг. и за 1899 г., также отмечали увеличение отхода женщин и появление семейного отхода, неизвестного в 80-е годы, «при котором промышленник со своей семьёй передвигается в новые места в поисках работы» [38].

Наблюдения Н. И. Тезякова подтверждают исследования местных корреспондентов: он отмечает, что в Кубанской области рабочие «появляются целыми семьями...» [39].

Увеличение отхода женщин и в особенности семей означало дальнейшую дифференциацию пореформенной деревни на качественно новой стадии, когда отходники окончательно конституировались в класс буржуазного общества.

Большое значение для формирования сельскохозяйственного пролетариата как класса буржуазного общества имела концентрация рабочих в крупных экономиях и на рынках труда. В этом отношении Юг России не представлял собой единой картины. В конце XIX в. здесь дворянское землевладение было ещё значительным. Так, в Екатеринославской губернии дворянские земли составляли половину всей удобной земли, а в Херсонской и Таврической – одну треть. В этих губерниях насчитывалось 617 имений с площадью более тысячи десятин и 30 имений по 10 тыс. и более десятин. Из-за слабости феодально-крепостнических традиций в сельском хозяйстве, а также благодаря наличию опыта в применении наёмного труда ещё со времён крепостничества большинству помещиков степных губерний региона удалось довольно быстро поставить свои хозяйства на капиталистические рельсы. В ряде крупных хозяйств в разгар полевых работ сосредоточивалось от 100 до 500 наёмных рабочих.

Были на Юге России и представители крестьянской буржуазии (20 % всех крестьянских дворов), которые вели крупное фермерское хозяйство нередко на площади в 50–100 дес. земли с применением наёмного труда сельских рабочих [40].

В казачьих областях Дона и Кубани и на Ставрополье основными держателями земли и производителями сельскохозяйственной продукции являлись казаки и ставропольские коренные крестьяне, крупных имений здесь было мало, и не они определяли лицо местного земледелия.

Данные, характеризующие концентрацию рабочих в отдельных табаководческих хозяйствах, содержатся в фонде Темрюкского отдела Кубанской области за 1893 г.

Основная масса рабочих была рассредоточена по мелким плантациям. Из 1045 хозяйств области 953 было с числом наёмных рабочих менее 50, где заняты 15751 рабочий (во всех хозяйствах было 24027 рабочих), 72 предпринимателя, нанимавших от 50 до 100 рабочих, эксплуатировали 4748 человек. В 20 экономиях нанималось свыше 100 рабочих, в них работало 3528 пролетариев. Наиболее крупными нанимателями были братья Михаил и Фёдор Коровянские из Фёдоровской волости, нанимавшие соответственно 486 и 345 рабочих.

Сведения о распределении сельскохозяйственных рабочих по отдельным экономиям в начале XX в. расширяют представление о концентрации рабочих в отдельных хозяйствах. В 1902 г. 77 экономий Темрюкского отдела нанимали в страдную пору 4439 рабочих. Основная масса хозяйств принадлежала мелким и средним нанимателям: так, 37 хозяев имели менее десяти наёмных рабочих, в то время как четыре крупных экономии нанимали 1820 рабочих [41], что составляло 41 % всего их числа. Казалось бы, наибольшая концентрация сельскохозяйственных рабочих была в крупнейших хозяйствах. Но, в действительности это не так, потому что приведённые цифры не включают массу мелких нанимателей. В частности, в 1893 г. данные собирались только по табачным плантациям, и в Темрюкском отделе было зарегистрировано 1045 хозяйств с наёмными рабочими; в 1902 г. сведения собирались уже по всем экономиям, включая табаководческие хозяйства, но данные поступили только от 77 предпринимателей.

В начале XX в. в Лабинском отделе Кубанской области в экономиях барона Штейнгеля, Заболотных, Николенко и Меснянкина работало шесть тысяч рабочих, в хозяйствах Фёдора Петрика, Щербака и Щербичкой было занято 360 рабочих; у землевладельцев А. Переяславского и В. Сатарава на уборке хлеба находилось около 2000 человек. В юрте с. Казьминскаго Баталпашинского отдела в девяти экономиях Горбаня, Иванова, Литвиновых, Немерюков, Омеляненко, Саенко и Цветковой во время сенокоса в 1907 г. работало 3850 рабочих; в юрте станицы Отрадной этого же отдела находилось шесть имений Стояловых, Макеевых и Мазаевых, в которых, как правило, было занято от двух до пяти тысяч рабочих [42].

Таким образом, в Кубанской области хозяйств с числом 500 наёмных рабочих и более было немного, и в них находилась незначительная часть, сельских рабочих – примерно 12 тыс. человек. Эксплуатация наёмной рабочей силы на Кубани была раздробленной и расплывчатой. Рассредоточение сельскохозяйственных рабочих по многочисленным мелким и средним хозяйствам затрудняло их консолидацию, задерживало развитие самосознания.

В этих условиях большое значение приобретали рынки найма сельскохозяйственных пролетариев. История протестной борьбы в южнорусской деревне в начале XX в. показывает, что они часто являлись теми местами, где начинались выступления сельскохозяйственных пролетариев против капиталистической эксплуатации. В числе крупнейших рынков Юга России источники называют местечко Каховку в Таврической губернии, где собиралось до 40 тыс. рабочих, в Бессарабской - город Аккерман, в Екатеринославской – Екатеринослав и станцию Лозовую, в Донской области - Ростов-на-Дону, где ежегодно перебивало до 150 тыс. рабочих, в Херсонской губернии - Одессу, Елисаветград, Бобринец, Вознесенск, торговые сёла Ново-Украинку, Бирзулу, Мостовое, где по воскресным дням собиралось свыше девяти тысяч рабочих, и др. На Северном Кавказе можно выделить города Екатеринодар, Новороссийск, станцию Тихорецкую. В конце XIX – начале XX в. только на Кубани и Ставрополье было не менее 40 рынков найма рабочих, на которых собирались более одной тысячи пролетариев. К указанным рабочим рынкам можно добавить ещё станицы Крымскую Кисляковскую и Кореновскую (по 6 тыс. рабочих), Среднегорлыкскую и Гиагинскую (по 5 тыс.), Ейск (11 тыс.) и др. [43].

Представляет интерес, выяснение грамотности сельскохозяйственных рабочих, так как от уровня образованности в большой мере зависела степень сознательности пролетариев. Данные лечебно-продовольственных пунктов по южнороссийским губерниям показывают, что, грамотные среди сельскохозяйственных рабочих в 1895 г. в Таврической губернии составляли 15 %, в Херсонской – 14,5 % (плюс

2,8 % малограмотных). А вот в Екатеринославской губернии грамотных среди пришлых рабочих, но всемо – десятью годами позже было примерно в два раза больше: в 1903 г. – 30,5 %, в 1905 г. – 31,1 %, среди женщин грамотных в этой губернии находилось в 1903 и 1905 гг. 4,8 %, а в 1901 г. – даже 3,5 % [44].

Таким образом, как показывают приведённые данные, грамотность сельскохозяйственных рабочих была низкой, особенно среди женщин. В Херсонской и Таврической губерниях уровень грамотности был ниже общероссийского (21 %), в Екатеринославской несколько выше среднероссийского, но только у мужчин.

Об интенсивности процесса формирования постоянных сельскохозяйственных рабочих можно судить по числу рабочих, нанимающихся в первый раз. В Херсонской губернии в 1895 г. впервые участвовали в отходе 16,6 % пришлых рабочих, в 1897 г. – 24,6 %, в 1898 г. – 23,4 %, в 1899 г. – 23,14 %, в Екатеринославской губернии в 1903 г. 16,8 % мужчин и 25,2 % женщин впервые пришли на заработки, в 1905 г. – соответственно 16,8 и 19,0 % всех пришлых рабочих. В Таврической губернии в 1895 г. было зарегистрировано 19,8 % рабочих, пришедших на заработки в первый раз, а четырьмя годами раньше в местечке Каховка примерно половина всех пришлых рабочих впервые участвовала в отходе [45].

Значительные цифры повторно идущих в отхожие сельскохозяйственные промыслы свидетельствуют об образовании постоянных кадров сельскохозяйственных рабочих, для них наёмная работа в сельском хозяйстве служит уже основным источником существования. Так, на лечебно-продовольственных пунктах Херсонской губернии в 1897–1898 гг. было зарегистрировано 30–35 % рабочих, шедших на заработки во второй и третий раз, 38–40 % находились в отхожих промыслах более трёх раз. В 1903 г. 83,2 % мужчин и 74,8 % работниц-женщин пришли на заработки в Екатеринославскую губернию не в первый раз; в 1905 г. увеличился процент повторно шедших на заработки женщин до 81,0. В Херсонской губернии отмечались случаи, когда рабочие не могли припомнить, в который раз они вышли на заработки, иногда удавалось выяснить, что они идут в отход 30–35-й раз [46]. Это ли не постоянные наёмные рабочие в сельском хозяйстве? Вопрос, конечно, риторический.

Итак, в пореформенный период на Юге России быстрыми темпами шло формирование сельскохозяйственного пролетариата, росла его численность, а в составе происходили изменения, отражавшие дальнейшее развитие капитализма в земледелии этого региона и страны в целом.

Сельскохозяйственный пролетариат возник в результате развития капитализма в сельском хозяйстве. В южных, капиталистически развитых в земледельческом отношении, губерниях России процесс формирования сельскохозяйственного пролетариата был особенно интенсивным, так как быстрое развитие капитализма требовало больших масс наёмных рабочих. Численность сельскохозяйственного пролетариата в южнороссийском регионе в конце XIX – начале XX в. достигла примерно 2 млн человек. Основным источником формирования земледельческого пролетариата являлась деревенская беднота, пришлое население, разорившиеся крестьяне центральных губерний России, стремившихся в поисках заработков в южные окраинные губернии и частично оседавшие здесь на постоянное жительство.

Процесс формирования сельскохозяйственного пролетариата и отделения его от беднейшего крестьянства был очень медленным ввиду тормозящего влияния феодально-крепостнических пережитков, существовавших в социально-экономическом и политическом строе пореформенной России. Даже в конце XIX – начале XX в. не была четкой грань, отделяющая сельскохозяйственный пролетариат от полупролетарских прослоек деревни. Специфика сельскохозяйственного производства, заключающаяся в сезонности большинства земледельческих работ, предопределяла кратковременность найма сельских рабочих, а следовательно, привязанность их к своему хозяйству. Значительная часть сельскохозяйственных пролетариев являлась наёмными рабочими с наделом, что затрудняло формирование их самосознания, увеличивало трудности ведения работы, социалистических партий среди сельскохозяйственных рабочих, стремившихся облегчить их положение, а самих использовать в разворачивавшейся политической борьбе.

Список литературы

1. Трехбратов Б. А. Наёмный труд в сельском хозяйстве Юга России в период капитализма (Методология, историография, источники, особенности формирования сельскохозяйственного пролетариата). Краснодар: КубГУ, 1980. 76 с.; Трехбратов Б. А. Сельскохозяйственные рабочие Юга России в советской историографии // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2. С. 115–119.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 30. Кор. 1183. Д. 60. Л. 41 об. – 42; Отчёт начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска (ОНКО) за 1904 год. Екатеринодар, 1905. С. 7; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Новороссия и Крым. СПб., 1910. Т. 14. С. 236; Золотов В. А. Хлебный экспорт России через порты Чёрного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX века. Ростов н/Д, 1966. С. 11.
3. Золотов В. А. Хлебный экспорт России через порты Чёрного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX века. Ростов н/Д, 1966. С. 15; Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России // История СССР. 1959. № 6. С. 52; ОНКО за 1904 год. С. 92; Обзор Ставропольской губернии за 1905 год. Ставрополь, 1906. С. 3; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 83. Л. 31.
4. Секеринский С. А., Кунцевич Ф. П. Развитие табаководства в Крыму в XIX – начале XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964. Кишинёв, 1966. С. 660.
5. Развитие Молдавии в начале XX века. Электронные данные. Режим доступа: <http://biofileru/bio/38557/Html/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 16.06.2015).
6. Кавказский календарь на 1904 год. Тифлис, 1903. С. 89–90; Отрыганьев А. Л. Табаководство в Кубанском крае. Екатеринодар – Армавир, 1919. С. 3, 14–15.
7. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1848. Л. 1-101 об.; Ф. 668. Оп. 1. Д. 746. Л. 2 об., 7 об.; Кубанские областные ведомости (Екатеринодар). 1898. № 43; 1901. № 221.

8. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1951. С. 153.
9. Дроздова Р. А. Развитие виноградарства и виноделия на Кизлярщине в XVIII–XIX вв. Кизляр, 2010. С. 43.
10. Отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска (ОНТО) за 1898 год. Владикавказ, 1899. С. 95; Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. С. 75; Кубанский календарь на 1903 год. Екатеринодар, 1902. С. 97; История Кубани с древнейших времён до конца XX века. Краснодар: Перспективы образования, 2004. С. 131.
11. Россия. СПб., 1910. Т. 14. С. 404.
12. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Рукописный фонд, инв. № 2349. Обзор Ставропольской губернии за 1882 год. С. 1; Обзор Ставропольской губернии за 1905 год. Ставрополь, 1906. С. 6; Обзор Кубанской области за 1886 год, приложение № 1 (место и год издания не указаны); ОНКО за 1904 год, ведомость № 13. Екатеринодар, 1905.
13. Весин Л. П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. СПб., 1886. № 7, 1887. № 2.
14. Руднев С. Ф. Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. 1894. № 6 и 11.
15. Расчёты основаны на данных о количестве проданных билетов и паспортных бланков с 1861 по 1900 год по 50 губерниям Европейской России (Материалы Комиссии центра от 19 ноября 1901 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 78) и данных за 1902 и 1906–1910 гг., содержащихся в «Энциклопедическом словаре Гранат» (М., 7-е изд., 1935. Т. 36. Ч. 4. Приложения, с. 33).
16. Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 122; Луговая Е. И. Сельскохозяйственный пролетариат Юга Украины в период капитализма (На укр. яз.). Киев, 1966. С. 116, 122.
17. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 404. Л. 11–58; Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2325. Л. 6 об. – 7; Ф. 1290. Оп. 6. Д. 414. Л. 6 об. – 7.
18. Тезяков Н. И. Рынки найма сельскохозяйственных рабочих на Юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. Рынки найма сельскохозяйственных рабочих в областях Войска Донского и Северного Кавказа с санитарной стороны. СПб., 1902. Вып. 2. С. 2.
19. Тезяков Н. И. Врачебно-продовольственные пункты на пути движения и на рынках найма сельскохозяйственных рабочих в Херсонской, Екатеринославской, Самарской, Симбирской и других губерниях // Трудовая помощь. 1901. № 6. С. 2, 31–32; № 8. С. 384.
20. Кулиш И. Расслоение кубанского казачества в конце XIX – начале XX веков // Труды Краснодарского гос. пед. института. Краснодар, 1930. Т. 1 (4). С. 100, 103, 104; ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 73-а – 79.
21. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1078. Л. 126; Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 35; Обзор Ставропольской губернии за 1899 год. Ставрополь, 1900. С. 7.
22. Хлыстов И. П. Дон в эпоху капитализма (60-е – середина 90-х годов XIX века). Очерки по истории Юга России. СПб.: РГУ, 1962. С. 249–251.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб. 1904. Кубанская область. С. 4–5; 1904. Терская область. С. 4–5; 1905. Дагестанская область. С. 4–5; Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября // Учёные записки Дагестанского НИИ истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 33–34; Шацкий П. А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг. Историческое исследование // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. С. 302.
24. Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Заметки о Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1912. С. 259–260; Терские ведомости (Владикавказ). 1912. 29 июня, 4 дек.; 1910. 12 янв.
25. РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 216. Л. 126 об.; Д. 1219. Л. 110; Д. 1223. Л. 157. Д. 1224. Л. 12 об.; Д. 1225. Л. 14; Обзор Дагестанской области за 1906 год. Темир-Хан-Шура, 1908. С. 20.
26. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 576.
27. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 213. Л. 92 об.; Ф. 214. Оп. 1. Д. 118. Т. 2. Л. 262–263, 268–269; Ф. 454. Оп. 7. Д. 206, 437, 862, 1125, 1281, 1388; Ф. 460. Оп. 1. Д. 59, 136, 153; Ф. 418. Оп. 1. Д. 265; ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 73-а – 79. Кириллов П. Станица Рязанская (Бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание // Кубанский сборник, 1903. Екатеринодар, 1902. Т. 9. С. 141.
28. Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 год. СПб., 1906. Т. 1. Приложение.
29. Тезяков Н. И. Врачебно-продовольственные пункты... // Трудовая помощь. № 6. С. 21; Отчёты Екатеринославской губернской земской управы по санитарному отделению за 1901, 1903, 1905 гг. Екатеринослав, 1902. С. 18; 1904. С. 6; 1906. С. 7.
30. Кудрявцев П. Ф. Пришлые сельскохозяйственные рабочие на Николаевской ярмарке в местечке Каховке Таврической губернии и санитарный надзор за ними в 1895 году. Херсон, 1896. С. 7–8; Щербина Ф. А. Рабочие на Кубани // Дело. СПб., 1884. № 4. С. 6; Тезяков Н. И. Рынки найма сельскохозяйственных... С. 84, 62–63, 47.
31. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1848. Л. 1 – 101 об. (Подсчёты автора – Б. Т.).
32. Чаславский В. И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. Т. 2. С. 183.
33. Фаас М. Передвижение летних рабочих на юг и его упорядочение. М., 1894. С. 13.
34. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1342. Л. 1–19 (Подсчёты автора – Б. Т.).
35. Сведения об отхожих земледельческих промыслах в Воронежской губернии за 1898 год. Воронеж, 1899. С. 5; Краткий очерк местных и отхожих промыслов населения Харьковской губернии (по сведениям добровольных корреспондентов и по данным волостных правлений о числе выданных паспортов). Харьков, 1905. С. 102.

37. Краткий очерк местных и отхожих промыслов населения Харьковской губернии (по сведениям добровольных корреспондентов и по данным волостных правлений о числе выданных паспортов). Харьков, 1905. С. 102.
38. Краснопёров И. Сельскохозяйственные симптомы современной деревни // Мир Божий. СПб., 1907. № 1. С. 31; М. А. Отхожие промыслы в Курской губернии // Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1907. № 1. С. 31.
39. Тезяков Н. И. Рынки найма сельскохозяйственных рабочих... Вып. 2. С. 41.
40. Луговая Е. И. Сельскохозяйственный пролетариат Юга Украины в последней четверти XIX века: автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 1961. С. 7–8.
41. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1848. Л. 1 – 101; Д. 5293 (*Подсчёты мои – Б. Т.*).
42. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 234. Л. 11 – 12 об.; Д. 238. Л. 5; Ф. 449. Оп. 2. Д. 489. Л. 45 об. – 46 об.
43. Трехбратов Б. А. Борьба сельскохозяйственных рабочих в период образования первых организаций РСДРП на Кубани. Краснодар, 1972. С. 7.
44. Кудрявцев П. Ф. Пришлые сельскохозяйственные... С. 13; Тезяков Н. И. Врачебно-продовольственные пункты на пути движения... // Трудовая помощь. № 6. С. 22; Отчёты Екатеринославской губернской управы... за 1903 и 1905 гг. Екатеринослав, 1904. С. 6; 1906. С. 6; Отчёт Екатеринославской губернской земской управы... за 1901 год. С. 19.
45. Тезяков Н. И. Врачебно-продовольственные пункты на пути движения... // Трудовая помощь. № 6. С. 22; Хижняков В. В. Сельские рабочие на рынках Херсонской губернии // Жизнь. СПб., 1900. № 1. С. 130; Сборник Херсонского земства. Херсон, 1899. № 10. С. 230; Отчёт Екатеринославской губернской земской управы... за 1903 год. С. 6; Кудрявцев П. Ф. Указ. соч. С. 35.
46. Хижняков В. В. Указ. соч. С. 130–131; Отчёт Екатеринославской земской управы... за 1903 год. С. 6; ...за 1905 год. С. 6.

References

1. Trekhbratov B. A. *Naemnyy trud v selskom khozyaystve Yuga Rossii v period kapitalizma (Metodologiya, istoriografiya, istochniki, osobennosti formirovaniya selskokhozyaystvennogo proletariata)*. Krasnodar, KubGU Publ., 1980, 76 p.; Trekhbratov B. A. Selskokhozyaystvennyye rabochie Yuga Rossii v sovetskoj istoriografii. *Voprosy istoricheskoy nauki Severnogo Kavkaza i Dona*. Grozny, 1980, vol. 2, pp. 115–119.
2. *Russian State Military History Archive*, fund 330, inventory 30, box 1183, case 60, sheet 41 turnover sheet – 42; *Otchet nachalnika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska (ONKO) za 1904 god*. Yekaterinodar, 1905, p. 7; *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Novorossiya i Krym*. St. Petersburg, 1910, vol. 14, p. 236; Zolotov V. A. *Khlebnyy eksport Rossii cherez porty Chernogo i Azovskogo morey v 60–90-e gody XIX veka*. Rostov on Don, 1966, p. 11.
3. Zolotov V. A. *Khlebnyy eksport Rossii cherez porty Chernogo i Azovskogo morey v 60–90-e gody XIX veka*. Rostov on Don, 1966, p. 15; Fadeev A. V. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu poreformennoy Rossii. Istoriya SSSR*, 1959, no. 6, p. 52; *ONKO za 1904 god*, p. 92; *Obzor Stavropolskoj gubernii za 1905 god*. Stavropol, 1906, p. 3; *State Archives of the Krasnodar region*, fund R-984, inventory 1, case 83, sheet 31.
4. Sekerinskiy S. A., Kuntsevich F. P. *Razvitie tabakovodstva v Krymu v XIX – nachale XX vv. Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy, 1964*. Kishinev, 1966, p. 660.
5. *Razvitie Moldavii v nachale XX veka*. Available at: <http://biofileru/bio/38557/Html/> (Accessed: 16.06.2015).
6. *Kavkazskiy kalendar na 1904 god*. Tiflis, 1903, pp. 89–90; Otryganev A. L. *Tabakovodstvo v Kubanskom krae*. Ekaterinodar – Armavir, 1919, pp. 3, 14–15.
7. *State Archives of the Krasnodar region*, fund 418, inventory 1, case 1848, sheet 1–101 turnover sheet; fund 668, inventory 1, case 746, sheet 2 turnover sheet, 7 turnover sheet; *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* (Ekaterinodar), 1898, no. 43; 1901, no. 221.
8. Nadinskiy P. N. *Ocherki po istorii Kryma*. Simferopol, 1951, p. 153.
9. Drozdova R. A. *Razvitie vinogradarstva i vinodeliya na Kizlyarshchine v XVIII–XIX vv.* Kizlyar, 2010, p. 43.
10. *Otchet nachalnika Terskoj oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazachego voyska (ONTO) za 1898 god*. Vladikavkaz, 1899, p. 95; *Kubanskiy kalendar na 1898 god*. Ekaterinodar, 1898, p. 75; *Kubanskiy kalendar na 1903 god*. Ekaterinodar, 1902, p. 97; *Istoriya Kubani s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka*. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya Publ., 2004, p. 131.
11. *Rossiya*. St. Petersburg, 1910, vol. 14, p. 404.
12. *State Archives of the Stavropol region*, handwritten fund, inventory no. 2349. *Obzor Stavropolskoj gubernii za 1882 god*, p. 1; *Obzor Stavropolskoj gubernii za 1905 god*. Stavropol, 1906, p. 6; *Obzor Kubanskoj oblasti za 1886 god*, app 1 (mesto i god izdaniya ne ukazany); *ONKO za 1904 god*, sheet 13. Ekaterinodar, 1905.
13. Vesin L. P. *Znachenie otkhozhikh promyslov v zhizni russkogo krestyanstva. Delo*. St. Petersburg, 1886, no. 7; 1887, no. 2.
14. Rudnev S. F. *Promysly krestyan v Yevropeyskoj Rossii. Sbornik Saratovskogo zemstva*, 1894, no. 6, 11.
15. *Raschety osnovany na dannykh o kolichestve prodannykh biletov i pasportnykh blankov s 1861 po 1900 god po 50 guberniyam Yevropeyskoj Rossii (Materialy Komissii tsentra ot 19 noyabrya 1901 g. Russian State Military History Archive*, fund 1233, inventory 1, case 78) i dannykh za 1902 i 1906–1910 gg., sodержashchikhsya v “*Entsiklopedicheskom slovare Granat*” (Moscow, 1935, 7nd ed., vol. 36, part 4, apps, p. 33).
16. *Velikaya reforma*. Moscow, 1911, vol. 3, p. 122; Lugovaya Ye. I. *Selskokhozyaystvennyy proletariat Yuga Ukrainy v period kapitalizma*. Kiev, 1966, pp. 116, 122.

17. *State archive of the Rostov region*, fund 353, inventory 1, case 404, sheet 11–58; *Russian State Historical Archive*, fund 1287, inventory 4, case 2325, sheet 6 turnover sheet – 7; fund 1290, inventory 6, case 414, sheet 6 turnover sheet – 7.
18. Tezyakov N. I. *Rynki nayma selskokhozyaystvennykh rabochikh na Yuge Rossii v sanitarnom otноshenii i vrachebno-prodovolstvennye punkty. Rynki nayma selskokhozyaystvennykh rabochikh v oblastiakh Voyska Donskogo i Severnogo Kavkaza s sanitarnoy storony*. St. Petersburg, 1902, no. 2, p. 2.
19. Tezyakov N. I. *Vrachebno-prodovolstvennye punkty na puti dvizheniya i na rynkakh nayma selskokhozyaystvennykh rabochikh v Khersonskoy, Yekaterinoslavskoy, Samarskoy, Simbirskoy i drugikh guberniyakh. Trudovaya pomoshch*, 1901, no. 6, pp. 2, 31–32; no. 8, p. 384.
20. Kulish I. *Rassloenie kubanskogo kazachestva v kontse XIX – nachale XX vekov. Trudy Krasnodarskogo gos. ped. instituta*. Krasnodar, 1930, vol. 1 (4), p. 100, 103, 104; GASK. fund 80, inventory 1, case 73-a – 79.
21. *State Archives of the Stavropol region*, fund 249, inventory 2, case 1078, sheet 126; *Stavropolskie gubernskie vedomosti*, 1879, no. 35; *Obzor Stavropolskoy gubernii za 1899 god*. Stavropol, 1900, p. 7.
22. Khlystov I. P. *Don v epokhu kapitalizma (60-e – seredina 90-kh godov XIX veka). Ocherki po istorii Yuga Rossii*. St. Petersburg, Russian State University Publ, 1962, pp. 249–251.
23. *Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* St. Petersburg, 1904, Kubanskaya oblast, pp. 4–5; 1904, Terskaya oblast, pp. 4–5; Dagestanskaya oblast. 1905. S. 4–5; Meleshko A. G. *Rassloenie krestyanstva v dagestanskom aule nakanune Oktyabrya. Uchenye zapiski Dagestanskogo NII istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy*. Makhachkala, 1958, vol. 4, pp. 33–34; Shatskiy P. A. *Selskoe khozyaystvo Predkavkazy v 1861–1905 gg. Istoricheskoe issledovanie. Nekotorye voprosy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Yugo-Vostochnoy Rossii*. Stavropol, 1970, p. 302.
24. Tsagolov G. *Kray besprosvetnoy nuzhdy. Zametki o Nagornoy polose Terskoy oblasti. Vladikavkaz*, 1912. S. 259–260; *Terskie vedomosti (Vladikavkaz)*. 1912. 29 iyunya, 4 dek.; 1910. 12 yanv.
25. *Russian State Historical Archive*, fund 573, inventory 25, case 216, sheet 126 turnover sheet; case 1219. L. 110; case 1223, sheet 157; case 1224, sheet 12 turnover sheet; case 1225, sheet 14; *Obzor Dagestanskoy oblasti za 1906 god*. Temir-Khan-Shura, 1908, p. 20.
26. Lenin V. I. *Razvitie kapitalizma v Rossii. Poln. sobr. soch.*, vol. 3, p. 576.
27. *State Archives of the Krasnodar region*. fund 460, inventory 1, case 213, sheet 92 turnover sheet; fund 214, inventory 1, case 118, vol. 2, sheet 262–263, 268–269; fund 454, inventory 7, case 206, 437, 862, 1125, 1281, 1388; fund 460, inventory 1, case 59, 136, 153; fund 418, inventory 1, case 265; *State Archives of the Stavropol region*, fund 80, inventory 1, case 73-a – 79. Kirillov P. *Stanitsa Ryazanskaya (Byvshaya Gabukaevskaya). Istoriko-statisticheskoe opisanie. Kubanskiy sbornik, 1903*. Ekaterinodar, 1902, vol. 9, p. 141.
28. *Chislennost i sostav rabochikh v Rossii na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 god*. St. Petersburg, 1906, vol. 1, app.
29. Tezyakov N. I. *Vrachebno-prodovolstvennye punkty... Trudovaya pomoshch*, no. 6, p. 21; *Otchety Yekaterinoslavskoy gubernskoy zemskoy upravy po sanitarnomu otdeleniyu za 1901, 1903, 1905 gg.* Ekaterinoslav, 1902, p. 18; 1904, p. 6; 1906, p. 7.
30. Kudryavtsev P. F. *Prishlye selskokhozyaystvennye rabochie na Nikolaevskoy yarmarke v mestechke Kakhovke Tavricheskoy gubernii i sanitarnyy nadzor za nimi v 1895 godu*. Kherson, 1896, pp. 7–8; Shcherbina F. A. *Rabochie na Kubani. Delo*. St. Petersburg, 1884, no. 4, p. 6; Tezyakov N. I. *Rynki nayma selskokhozyaystvennykh...* pp. 84, 62–63, 47.
31. *State Archives of the Krasnodar region*, fund 418, inventory 1, case 1848, sheet 1 – 101 turnover sheet.
32. Chaslavskiy V. I. *Zemledelcheskie otkhozhie promysly v svyazi s pereseleniem krestyan. Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. SPb., 1875, vol. 2, p. 183.
33. Faas M. *Peredvizhenie letnikh rabochikh na yug i ego uporyadochenie*. Moscow, 1894, p. 13.
34. *State Archives of the Krasnodar region*, fund 418, inventory 1, case 1342, sheet 1–19.
35. *Svedeniya ob otkhozhikh zemledelcheskikh promyslakh v Voronezhskoy gubernii za 1898 god*. Voronezh, 1899, p. 5; *Kratkiy ocherk mestnykh i otkhozhikh promyslov naseleniya Kharkovskoy gubernii (po svedeniyam dobrovolnykh korrespondentov i po dannym volostnykh pravleniy o chisle vydannykh pasportov)*. Kharkiv, 1905, p. 102.
37. *Kratkiy ocherk mestnykh i otkhozhikh promyslov naseleniya Kharkovskoy gubernii (po svedeniyam dobrovolnykh korrespondentov i po dannym volostnykh pravleniy o chisle vydannykh pasportov)*. Kharkiv, 1905, p. 102.
38. Krasnoperov I. *Selskokhozyaystvennye simptomyy sovremennoy derevni. Mir Bozhiy*. St. Petersburg, 1907, no. 1, p. 31; M. A. *Otkhozhie promysly v Kurskoy gubernii. Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. St. Petersburg, 1907, no. 1, p. 31.
39. Tezyakov N. I. *Rynki nayma selskokhozyaystvennykh rabochikh...* Vol. 2, p. 41.
40. Lugovaya Ye. I. *Selskokhozyaystvennyy proletariat Yuga Ukrainy v posledney chetverti XIX veka*. Kiev, 1961, pp. 7–8.
41. *State Archives of the Krasnodar region*, fund 418, inventory 1, case 1848, sheet 1 – 101; case 5293.
42. *State Archives of the Krasnodar region*, fund 454, inventory 1, case 234, sheet 11 – 12 ob.; case 238, sheet 5; fund 449, inventory 2, case 489, sheet 45 turnover sheet – 46 turnover sheet.
43. Trekhbratov B. A. *Borba selskokhozyaystvennykh rabochikh v period obrazovaniya pervykh organizatsiy RSDRP na Kubani*. Krasnodar, 1972, p. 7.
44. Kudryavtsev P. F. *Prishlye selskokhozyaystvennye...* P. 13; Tezyakov N. I. *Vrachebno-prodovolstvennye punkty na puti dvizheniya... Trudovaya pomoshch*, no. 6, p. 22; *Otchety Yekaterinoslavskoy gubernskoy upravy... za 1903 i 1905 gg.* Ekaterinoslav, 1904, p. 6; 1906, p. 6; *Otchet Yekaterinoslavskoy gubernskoy zemskoy upravy... za 1901 god*. P. 19.

45. Tezyakov N. I. Vrachebno-prodovolstvennye punkty na puti dvizheniya... Trudovaya pomoshch, no. 6, p. 22; Khizhnyakov V. V. Selskie rabochie na rynkakh Khersonskoy gubernii. Zhizn. St. Petersburg, 1900, no. 1, p. 130; Sbornik Khersonskogo zemstva. Kherson, 1899, no. 10, p. 230; Otchet Yekaterinoslavskoy gubernskoy zemskoy upravly... za 1903 god. P. 6; Kudryavtsev P. F. The indicated essay. P. 35.
46. Khizhnyakov V. V. The indicated essay. Pp. 130–131; Otchet Yekaterinoslavskoy zemskoy upravly... za 1903 god. P. 6; ...za 1905 god. P. 6.

УДК 94(47).083:084

ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА И КОРРЕКТИРОВКА ЗАДАЧ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1926–1928 гг.

Турицын Игорь Викторович, доктор исторических наук, профессор, Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, Российская Федерация, 119192, г. Москва, Мичуринский пр-т, 16, E-mail: info@helri.com

Холодный Максим Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, Российская Федерация, 119192, г. Москва, Мичуринский пр-т, 16, E-mail: info@helri.com

В статье исследуется влияние перехода к форсированному строительству социализма на постановку и решение задач культурной революции в деревне. Показано, что в 1927 году произошел принципиальный разворот партийной политики. Если до этого времени основной заботой ВКП(б) являлось сближение с середняком, то с 1927–1928 гг. – с бедной и батрацеством. В итоге, корректировка задач «культурной революции» привела к выдвигению на передний план двух ключевых направлений большевистской политики в деревне. В сфере производственной пропаганды произошел переход от «культурничества» к агрессивной пропаганде коллективизации. В политической сфере, при ограничении приема крестьян в партию, основное внимание сместилось с середняка на бедняка и батрака.

Ключевые слова: большевистская модернизация, культурная революция, крестьянство, шефство города над деревней, середняки, батраки

THE EVOLUTION OF THE PEASANT ECONOMY AND THE ADJUSTMENT PROBLEMS OF THE CULTURAL REVOLUTION IN THE 1926–1928

Turitsyn Igor V., D.Sc. (History), Professor, Research Institute for History, Economics and Law, 16 Michurinsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation, E-mail: info@helri.com

Kholodny Maksim A., Ph.D. (History), Researcher, Research Institute for History, Economics and Law, 16 Michurinsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation, E-mail: info@helri.com

The article examines the impact of the transition to the accelerated construction of socialism in the formulation and solution of problems of the cultural revolution in the countryside. It is shown that in 1927 there was a fundamental reversal of party politics. Before that time, the main concern of the CPSU (b) was closer to the middle peasants, then 1927–1928 – with the poor, and agricultural laborers. As a result, the adjustment problems of the “cultural revolution” led to the fore two key areas of the Bolshevik policy in the countryside. In the area of industrial promotion was a transition from “uplifters” an aggressive propaganda of collectivization. In the political sphere, while limiting the admission of peasants into the party, the focus has shifted from the poor and middle peasants on a farm laborer.

Keywords: Bolshevik modernization, the cultural revolution, the peasantry, the patronage of the city over the countryside, the middle peasants, laborers

Обращаясь к анализу истории большевистской модернизации, исследователи, в целом, признают, что она имела ярко выраженный насильственный характер и ставила целью преодоление российской «культурной отсталости», в том числе, обновление национальной культуры за счет разрушения основ «примитивной» крестьянской цивилизации [4, с. 4]. В основе данного курса лежало глубоко критическое отношение к прошлому, в котором основным представлялось разделение населения «на два совершенно непонимающих друг друга лагеря. В то время, когда, по словам Герцена, на верху стояли люди XIX в., воспринявшие современную культуру, внизу находились люди XV столетия, напоминающие кафров и эфиопов» [12, с. 2].

Курс на новую социалистическую культуру был закреплен многочисленными решениями правящей партии и нашел свое наиболее последовательное выражение в программе «культурной революции». Причем с первых шагов по пути ее реализации в полной мере выяснилась очевидная второсортность крестьянства, подлежавшего особенно значительным «переделке» и «перевоспитанию».

В силу своего статуса как труженика, с одной стороны, и как собственника, с другой, крестьянин был серьезно ущемлен в правах и превратился в объект непрерывного «руководящего» воздействия власти. Как следствие, с эпохи военного коммунизма в деревне установилась атмосфера произвола и насилия. Бесправие крестьян, ограничение их прав и возможностей в самых различных областях (в нормах представительства на выборах, в налоговой сфере, в отсутствии социальной защиты и пр.) не исчезло и с переходом к новой экономической политике.

В условиях нэпа власти рассматривали деревню не только как источник налоговых поступлений, но и как объект систематического культурно-преобразующего воздействия «пролетариата». В рамках данного курса получили широкое развитие различного рода практики «шефства» города над деревней, среди